удивлением отмечали: «город Могилев благополучен весь уцелел, да и нет благополучнейшего города из всех городов, забраны неприятелем, как Могилев; а нашу то матушку Москву неприятель деревнею сделал», а другие офицеры говорили: «да кто причиной этому, что город Могилев остался после неприятеля благополучен, не разорен, и даже следа нет, что неприятель был в нем», и сказав сие, указал офицер на одного иеромонаха, в то время там стоявшего, и сказал: эти игумены причиною благополучия города Могилева, они с Крестом и Евангелием пали на колени пред Наполеоном и присягнули ему; что город защищали, то это хорошо, что они подданными Наполеоновыми стали» [1, с. 87–88].

Таким образом, французский оккупационный режим в Могилевской губернии летом-осенью 1812 года в целом соответствовал нормам и принципам «права войны» того периода, отличался относительной мягкостью и лояльностью, не носил реакционно-карательного характера. Во многом это было обусловлено отсутствием вооруженного сопротивления со стороны жителей Могилевской губернии и принесением присяги на верность французскому императору.

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. Том 2. Приложение. Записки игумена Ореста. – Вильна: Печатня губернского правления, 1867.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные, по поручению Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича / под редакцией К. Военского. – Т III. Белоруссия в 1812 году. – Санкт-Петербург, 1912.
3. Васильева, Л.А. Международное публичное право: учебное пособие / Л.А. Васильева, О.А. Бакиновская. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 576 с.

В.В. Горидовец

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВНОГО И УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА

Учитывая тот факт, что в ходе военной кампании 1812 года французская военная администрация на захваченных территориях не требовала от священнослужителей отречения от Церкви и веры в Бога, представляется наиболее корректным в ходе настоящего исследования оценить в большей степени гражданскую позицию служителей Церкви в этот период.

Наиболее объективно состояние церковно-приходской жизни в пределах Витебской губернии во время французской оккупации излагается в переписке Святейшего Синода Русской Православной Церкви с разными должностными лицами: архиепископом Рязанским и Зарайским Феофилактом (Русановым), Полоцким униатским архиепископом Иоанном Красовским, представителями военной и гражданской администрации населенных пунктов губернии [2, с. 2].

Из этой переписки известно, что для налаживания церковной жизни на территории освобожденных от французов губерний, 27 ноября 1812 года Императорским рескриптом был командирован в Смоленск и сопредельные области член Святейшего Синода архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт (Русанов). Он собрал сведения о состоянии приходов и Могилевской епархии, одну пятую часть которой составляли православные приходы Витебской губернии [2, с. 3].

В частности выяснилось, что Могилевский архиепископ Варлаам (Шишацкий) по требованию французских властей принес присягу на верность Наполеону, что побудило на подобный шаг и подчиненное ему православное духовенство [4]. В ходе следствия, проводившегося по приказу императора Александра I с декабря 1812 по август 1813 гг., было установлено, что ввиду утраты присяжных листов точное число православных священно- и церковнослужителей Могилевской епар-

хии, последовавших примеру своего правящего архиерея, установить невозможно [3, с. 36]. Сам же архиепископ Варлаам на следствии причиной своего поступка назвал желание сохранить в спокойствии и тишине врученную ему Церковь и уточнил, что французам присягнула приблизительно третья часть от всего количества епархиального духовенства, а большая часть священнослужителей избежала этой участи в силу слабости французской администрации в удаленных районах епархии [3, с. 36]. Святейшим Синодом объяснения архиепископа Варлаама не были признаны удовлетворительными и, поскольку архиерей «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному своему Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных» [3, с. 36], синодальным решением 1 мая 1813 года он был лишен архиепископства и священства, ордена св. Анны I степени, оставлен только в монашеском чине и определен на пребывание в Новгородско-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии [1].

В своем донесении Святейшему Синоду архиепископ Феофилакт (Русанов) отметил, что духовенство православных приходов Витебской губернии осталось верным клятве своему Государю, а отдельные лица мужественно проявили себя при нашествии французов [2, с.12].

Так, протоиерей Витебского Успенского собора Петр Околович по предписанию Витебского губернского правления эвакуировал в г.Новгород весь соборный причт, соборные драгоценности и церковные суммы, библиотеку и архив духовного училища, архив духовного правления [2, с.13].

Преподаватель Витебского духовного училища Антон Мижурский, после прихода французов, не желая служить захватчикам, вместе с женой ушел в лес и пешком следовал на восток, питаясь нищенским подаянием, и все-таки вышел в расположение русских войск в районе Великих Лук [2, с.14].

При оккупации г. Витебска французскими войсками, духовенство городских церквей покинуло город, укрываясь в его окрестностях и в Марковом монастыре. Эти меры предосторожности не оказались напрасными: французы превратили Семеновскую церковь в склад оружия, Борисоглебскую церковь – в склад пороха и боеприпасов, Рынково-Воскресенскую церковь – в хранилище сена и соломы, Заручевско-Воскресенскую церковь – в мельницу, Бернардинский монастырь возле городской ратуши – в продовольственный склад, а Преображенскую церковь напротив губернаторского дома – разрушили [2, с. 15].

Православное духовенство г. Полоцка встретило приход французов в стенах города. Протоиерей Покровского собора Феодор Соболевский совместно с прихожанами защитил свой храм от разграбления, потеряв при этом личное имущество, а во время богослужений в соборе, в присутствии французских военных, бесстрашно возносил молитвы о даровании победы Государю Императору Александру Павловичу [2, с. 15]. Второй священник этого храма Кирилл Дорошкевич призывал прихожан не терять мужество и надежду на скорое поражение врага, кроме этого привел в русский плен до 300 человек французов, затем находился в русской армии при генерале Дохтурове, графе Платове, генерал-лейтенанте Голенищеве-Кутузове и с большим усердием выполнял их поручения [2, с.16, 17].

Монахи Полоцкого Богоявленского монастыря во главе с архимандритом Александром больше всех пострадали от разбоя, творимого французскими военными. При нападении на монастырь архимандриту Александру были нанесены сильные побои, от которых он слег в постель. Были разграблены четыре монастырские церкви, разгромлены монастырские здания. У монахов отняли не только деньги и иерейские кресты, но и белье, обувь, посуду, мебель – всего на сумму 2 555 рублей. В церквях монастыря были похищены золотые и серебряные бого-

служебные сосуды, напрестольные кресты, украшения с икон, разрушены престолы и жертвенники, иконостас в одной из церквей, прострелен купол. В монастырских имениях Ропно и Глушица были изъяты все съестные припасы, а хозяйственные постройки вместе с крестьянскими домами – сожжены [2, с.19, 20].

Хотя Минский римско-католический епископ Яков Игнатий Дедерко, другие латинские епископы и поддержали французскую сторону, униатские приходы в Полоцке не избежали погрома от захватчиков [2, с. 3]. Грабили церковное имущество не только французские военные, но и подстрекаемые ими крестьяне, которые, впрочем, недолго пользовались такими приобретениями, позже сами став ограбленными со стороны французов [2, с. 4]. После захвата города сразу была разорена резиденция униатских архиереев в имении Струнь близ Полоцка: монастырь, семинария, консистория, фабричные заведения, склады с продовольствием. Пропали архиерейская библиотека и архив, французские солдаты обнаружили и спрятанные в земле драгоценности униатского архиепископа Иоанна Красовского, в числе которых главной ценностью была украшенная алмазами панагия полоцких архиереев, унаследованная им от митрополита Ираклия Лисовского [2, с. 4]. По свидетельству архиепископа Иоанна Красовского, в пределах его епархии враг повсеместно грабил церкви и монастыри, попирал святыни, сжигал некоторые церкви и притеснял униатское духовенство, которое, следуя за своим архиереем «… держало верность к истинному и природному своему Монарху, не входя ни в какие вероломные фикции» [2, с. 5]. Со стороны французских властей архиепископу Иоанну было сказано «что ты креатюра Московская» [2, с. 5], с него сорвали сапоги и шейный галстук, после чего он, спасая свою жизнь, покинул свои покои в имении Струнь в одной рясе. Не имея даже пищи, вместе с тремя своими помощниками, неоднократно подвергаясь смертельной опасности, он три дня скрывался районе своей резиденции и стал свидетелем кощунств французских военных, когда ими разбрасывались и попирались даже святые мощи из архиерейской церкви [2, с. 4]. В самом Полоцке французы сожгли мужской и девичий монастыри при униатской епископской кафедре, но кафедральный собор сохранил свою ризницу стараниями униатского игумена Корженевского: два дня французы безуспешно ломали крепкий железный затвор на ее дверях, а когда они решились ломать стену, то Корженевский для пресечения этого намерения, передал им залог, а потом целое лето никуда не отлучался и оберегал ценности храма, в котором разместился французский госпиталь [2, с. 5].

Сам архиепископ Иоанн Красовский, чтобы не быть узнанным преследующими его французами, переоделся в крестьянское платье, отрастил бороду, переправился через реку Западная Двина и инкогнито отправился за 35 верст в Лепельский уезд, в свое имение Черствяты [2, с. 12]. Французы пустили вслед слух о его аресте. В ответ на это архиепископ Иоанн разослал по всей епархии своих доверенных лиц «дабы возродить во всех слабых и колеблющихся дух истинного верноподданничества к законному, пекущемуся о соблюдении веры и благоденствия, нашему Правительству» [2, с. 8], ставя в известность всех униатских священников, что он жив и тверд духом. Это архипастырское обращение в сочетании с личным примером стойкости и мужества архиерея в отношении к захватчикам, настолько утвердили униатское духовенство в верности российскому правительству, что документально не было зафиксировано случаев измены ему [2, с. 12]. Из патриотических соображений некоторые униатские священники даже благословляли крестьянам грабеж своих помещиков, изменивших России и предавшихся Наполеону [2, с. 12].

Во все время скрытного пребывания архиепископа Иоанна в Лепельском уезде, французская администрация через своих ставленников в уездном правле-

нии настойчиво пыталась досадить ему. Так, префект Лепельского повета Гребницкий приложил все усилия, чтобы разорить имущество архиерея: в церковных имениях устанавливал двойные или тройные ставки налогов, в большом количестве реквизировал скот и лошадей, ставил на постой французских военных и даже подсылал мародеров [2, с. 4]. В результате, после изгнания французов архиепископ Иоанн сделал следующий вывод: «Я потерял почти все, но удержал и соблюл мою верность к Всероссийскому Престолу и ныне с радостию взираю, что все так точно совершилось, как я думал, желал и предвещал» [2, с. 4].

Весной 1813 года был подсчитаны потери, нанесенные французами униатским приходам в Витебской губернии: разграблено 207 церквей, имуществу нанесен ущерб в размере 85 129 рублей, служители униатских церквей понесли убытки на сумму 177 575 рублей. Униатские монастыри Витебской и Могилевской губерний были ограблены на 1 186 567 рублей [2, с. 11].

После изгнания французов российским правительством велось расследование деятельности архиепископа Иоанна Красовского и его действия были признаны верными. В результате, 27 апреля 1814 года от имени российского императора архиепископу Иоанну была письменно выражена благодарность и пожалована украшенная камнями драгоценная панагия, взамен похищенной в 1812 году [2, с. 11]. Кроме того, российским правительством была оказана материальная помощь разоренным монастырям, церквям, священно- и церковнослужителям Полоцкой униатской епархии [2, с. 12].

31 марта 1813 года архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт (Русанов) доложил Святейшему Синоду об имущественных потерях православных приходов Могилевской епархии за время пребывания французов: сожжены 4 церкви (две городских и две сельских), разорены также 4 церкви (в городах Витебске и Динабурге (совр. г. Даугавпилс), в трех приходских церквях значительно уменьшилось число дворов прихожан. Кроме того, не вернулись к месту прежнего служения: 2 протопопа, 5 священников, 1 диакон и 3 причетника. В отношении этих лиц было предложено навести справки, а при невозможности их найти – назначить новых клириков. Для компенсации имущественных потерь приходов, было предписано Могилевской духовной консистории выступить с соответствующим ходатайством перед правительственными органами. Архиепископ Феофилакт также признал необходимыми денежные выплаты со стороны российского государства православным клирикам, потерявшим свое личное имущество, и в приложении к донесению указал не менее 19 имен духовных лиц и мирян, которым полагались суммы от 570 до 50 рублей [2, с. 21].

Разоренное состояние святых мест понуждало частных лиц, также потерпевших убытки из-за войны, жертвовать для их возрождения свое имущество и средства. Например, герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии граф Петр Витгенштейн передал Полоцкому Богоявленскому монастырю 5 760 рублей и 4 голландских червонца на восстановление его храмов [2, с. 20].

Архиепископ Варлаам (Шишацкий) тяжело переживал события 1812 года: уже неся наказание за государственную измену и находясь в монастыре, от непрестанного плача потерял зрение, а в последние годы жизни сделался и очень раздражительным [1]. Сохранилось предание о том, что, намереваясь присягнуть Наполеону, он говорил своему секретарю: «Ты думаешь, что Россия будет благополучна?!.. Пусть будет благополучна, я один тогда буду несчастлив» [1]. Из этих слов видно, что вовсе не личной выгоды искал архиепископ Варлаам, а заботился о благе многих своих пасомых. Действительно, при отступлении войск Наполеона город Могилев не был сожжен, как многие другие покоренные им города в Российской Империи [1].

Таблица 1. Распределение общего числа разграбленных униатских храмов по уездам Витебской губернии [2, с. 11]

№ п/п	*Уезд*	*Число церквей*
1	Витебский	32
2	Полоцкий	28
3	Городокский	16
4	Лепельский	57
5	Дриссенский	17
6	Суражский	19
7	Велижский	9
8	Невельский	8
9	Себежский	18
10	Люцинский	3

Таблица 2. Убытки униатских храмов, понесенные во время французского нашествия по уездам Витебской губернии [2, с. 11]

№ п/п	*Уезд*	*Сумма (руб.)*
1	Витебский	21469
2	Полоцкий	22000
3	Городокский	2188
4	Лепельский	30143
5	Дриссенский	2129
6	Суражский	6000
7	Велижский	1200
8	Невельский	-
9	Себежский	-
10	Люцинский	-

Таблица 3. Личные убытки униатского духовенства Витебской губернии, понесенные во время французского нашествия (данные по уездам) [2, с. 11]

№ п/п	*Уезд*	*Сумма (руб.)*
1	Витебский	16224
2	Полоцкий	45812
3	Городокский	17594
4	Лепельский	72242
5	Дриссенский	12075
6	Суражский	13128
7	Велижский	500
8	Невельский	-
9	Себежский	-
10	Люцинский	-

Состояние несчастного узника ярко выразилось в распространенной среди волынского и черниговского духовенства песни, составление которой приписывали Варлааму в период его заточения. Слова этой песни характеризуют его внутреннее настроение, вполне доказывающее, что он не был и не мог быть отъявленным злодеем, а напротив – действовал только под влиянием внешних обстоятельств военного времени, против которых не в силах был устоять:

Лестей твоих, свете,
Я прежде не знал,
И за верна друга
Я тебя считал.
Нравом добротливым
Многим услужил,
Чаял себе верных,
Тем врагов нажил.

Кругом врагов лестных
Смотрит на мя глаз,
Как-то я приметил
И уже не раз.
В глазах: брат, здоров!
За глазами съесть готов;
Аспидские речи
Летят, как картечи,
Ах, за мною вслед [1].

В заключении своей автор песни высказывал мысль быть оправданным пред судом, если не в настоящем, то в будущем времени:

Движет ревность сердца,
Что совсем я прав;
Только уличает
Свет мя преслушав.
Но Бог милосерд,
Сотрет камень тверд
На мелкие части,
Все мои напасти
На них обратит [1].

На Волыни и Черниговщине еще долго после 1812 года бытовало предание, будто бы император Александр I хотел помиловать Варлаама и даже предлагал возвратить ему сан епископа [1]. Но Варлаам, удрученный недугами и слепотой, отказался от этого, выражая желание до конца жизни терпеть назначенное наказание, которое и нес вплоть до дня своей смерти – 23 июля 1820 года [4].

В целом и православное, и униатское духовенство во время пребывания армии Наполеона в пределах Витебской губернии, своим пастырским словом и примером воодушевляло пасомых на защиту Родины, не щадя при этом своего имущества и даже самой жизни, а отдельные представители священно- и церковнослужителей прославились героическими поступками и даже ратными подвигами.

1. Благотворительный фонд «Русское Православие» [Электронный ресурс] / Биографии архиереев. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2684. – Дата доступа: 03.04.2012.
2. Матюшенский, А., протоиерей. Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 г. / протоиерей А. Матюшевский – Витебск: Витебская губернская типография, 1913. – 23 с.
3. Мельникова, Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь / Л.В. Мельникова; Издание Сретенского монастыря. – М., 2002. – С. 36.
4. Православная энциклопедия [Электронный ресурс] / Варлаам. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/154215.html. – Дата доступа: 02.04.2012.

М.Г. Борисенко

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К МОНАСТЫРЯМ МОСКВЫ

«…Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: «Москва! Москва!» [5, с. 71], – таковы воспоминания о Москве офицера французской армии.

Наполеон вступил в Москву 2 сентября 1812 года. Однако то, что увидели французы, совсем не соответствовало их первоначальным ожиданиям. «Во всех этих богатых домах и дворцах, – рассказывает Labaume, – мы находили только